

На южном берегу Миньчжоу, близ отвесных скал Бараньего Рога, тянулась полоса залива, который из-за многолетнего отсутствия должного ухода в конце концов был почти целиком поглощен морскими волнами.

Вход в этот залив омывали бурные, стремительные течения. Из-за вздымавшихся ввысь крутых утлыков здесь круглый год царил полумрак, а морской ветер с свистом проносился сквозь каменные пещеры всех размеров, издавая дикий рев, похожий на вопли горных обезьян.

Во время прилива этот обрывистый берег превращался в самое опасное место во всем Миньчжоу, где корабли чаще всего садились на мель. Из-за своей глуши и недоступности он пустовал, но именно поэтому идеально подходил для укрытия пиратских судов.

Трехмачтовый парусник, построенный из особой железной древесины и снабженный двухэтажной надстройкой, стоял в узкой гавани, словно отдыхающий стервятник. Бамбуковые паруса на мачтах были убраны, и лишь багрово-черный флаг трепетал на ветру на самом верху.

— Главарь, как вы намерены с ним поступить?

В каюте на первом этаже надстройки Гао Цзянь, закончив рассказ о своем злключении на «Дафу», обратился к молодому человеку, который восседал в тигровом кресле-качалке в передней части помещения и с аппетитом уплетал свежие фрукты, включая виноград.

— Судя по твоим словам, ты провалил месть из-за него, но выжил тоже благодаря ему, — небрежно произнес молодой человек. У него был зчный, гулкий голос и статная фигура, а свет свечи на столике подчеркивал четкие, волевые линии лица и смуглую кожу.

— Да, — Гао Цзянь почувствовал, как по лбу заструился холодный пот. — Даже заручившись вашей поддержкой, мы все равно оплошали, но тот человек... он попросту не по нашим зубам.

— Что? Ты хочешь бросить попытки отомстить за своего главаря Хуана? — повысив голос, спросил молодой человек. Он грубо закинул ногу на колено и уперся на нее руками.

— Это... — Гао Цзянь явно до смерти боялся Се Линъи, но перед свирепым нравом сидевшего перед ним парня оробел еще сильнее и от неожиданности лишился дар речи.

— Ладно, на том судне всё равно не было особо ценного груза, ради которого стоило бы из-за погибших попусту губить жизни наших братьев. — Молодой человек выбросил очищенную виноградную веточку и поднялся на ноги.

— Вы совершенно правы! — Нащупав спасительную лазейку, Гао Цзянь торопливо закивал, а его тон стал еще более угодливым. — Что же до этого малого, то, по мнению вашего покорного слуги, он и ломаного гроша не стоит, а тащить его с собой — лишь обуза. Не лучше ли просто высадить его обратно на берег?

Но молодой человек ничего не ответил. Пройдя в центр каюты, устланной коврами из Западного Края, он сверху вниз принялся разглядывать пленника, которого они подобрали столь неожиданным образом.

Руки и ноги Оуян Цзиньсиня были связаны накрепко. Рот ему затыкать не стали, однако из-за того, что молодой человек запечатал его точки безмолвия, пленник не мог выронить ни звука.

Взгляд Оуян Цзиньсиня пылал нескрываемой яростью!

— Он мне нужен, — неожиданно произнес молодой человек.

— Что? — Гао Цзянь не расслышал или решил, что ослышался: Оуян Цзиньсинь уж точно не годился на роль пирата.

— Я хочу взять его в жены, чтобы ублажить горный притон, — с полной серьезностью повторил молодой человек.

— В-вы... неужели всерьез?.. — Гао Цзянь был настолько потрясен, что язык едва слушался его.

Всякий на море Юньсянь знал, что Ли Жуй, главарь «Стервятника», — самый богатый, самый наглый и безумно любящий красавцев пират. Но ведь этот Оуян Цзиньсинь — мужчина, к тому же... неужели главарь Ли всерьез задумал связать с ним свою жизнь?!

— Ах да, ты же не можешь говорить. — Больше не обращая внимания на ошолбевшего Гао Цзяня, Ли Жуй посмотрел на Оуян Цзиньсиня и взмахом руки мгновенно распечатал его точки.

— Кхе! Кхе-кхе! — Горло, словно застрявшее косточкой унаби, вновь обрело голос, и Оуян Цзиньсинь мучительно закашлялся.

— Тебе так тяжело? — Ли Жуй обнял вздрагивающие плечи Оуян Цзиньсиня. Стоявший рядом Гао Цзянь и вовсе лишился дар речи: когда еще доводилось видеть, чтобы грозный главарь Ли проявлял столько нежности к какому-то мужику? Уж не вспыхнули ли у него подлинные чувства?

— Пусти меня! Ублюдок! — Едва переведя дух, Оуян Цзиньсинь заерзал, пытаясь вырваться из объятий Ли Жуй.

— Хе-хе, а боевой дух на высоте! — со смехом отозвался Ли Жуй. — Только со своим суженым подобает вести себя помягче.

— М-муж...?! — услышав это, Оуян Цзиньсинь испытал такое потрясение и ужас, что от злости

у него едва не онемел язык.

— Ты свалился с борта прямо в мои объятия — разве это не небесное благословение? — Молодое красивое лицо Ли Жуя озарилось лучезарной улыбкой.

Оказалось, что Ли Жуй со своими людьми под видом чиновников прибыл на «Дафу» и благополучно встретился с сообщниками. Но затем произошло непредвиденное: какой-то смазливый юнец спрыгнул с борта вслед за их людьми. Видимо, он был столь грозен на вид, что совсем не следил за узким шатким трапом и, оступившись, сорвался с палубы. Ли Жуй среагировал молниеносно и успел подхватить его на лету.

Легкий — легче любой женщины, которую ему доводилось держать на руках, и куда красивее. В тот миг Ли Жуй не сводил с него глаз добрую минуту.

— Если ты посмеешь сотворить хоть что-то непотребное, я непременно убью тебя! — Оуян Цзяньсинь никогда еще не испытывал столь исступленной ярости; не будь он связан по рукам и ногам, он бы точно учинил кровавую расправу.

— Главарь, судя по его виду, сложением он не хлюпик, а боевые искусства у него просто запредельные, может, ну его? — торопливо предостерег Гао Цзянь, которого Оуян Цзиньсинь некогда изрядно поколотил.

— Какой же ты болтун. Уж не положил ли сам на него глаз? — холодно бросил Ли Жуй.

— Ч-что вы, как у меня мог возникнуть такой умысел! Это я просто сдуру ляпнул... Раз вы сами смогли его усмирить, значит, он вам и впрямь не ровня! — зачастил Гао Цзянь.

— Хм, даже если бы и положил, тут нечему удивляться — в конце концов, он некоторое время о тебе заботился. Ладно, проваливай! — нетерпеливо взмахнул рукой Ли Жуй.

— Слушаюсь. — Видимо, главарь Ли и впрямь воспылал к нему страстью; останься он здесь еще хоть на мгновение, его бы разрубили на восемь частей и бросили на корм рыбам! — в ужасе подумал Гао Цзянь и попятился к выходу.

Уже за дверью в его голове мелькнула другая мысль: называть Оуян Цзиньсиня «государыней-супругой» на «Стервятнике» в будущем окажется вполне в порядке вещей.

— Пошел вон! Ты что, оглох?! — заметив, что Ли Жуй ухватил его за щиколотку, Оуян Цзиньсинь без раздумий согнул колено и со всей силой врезал по этой ненавистой улыбающейся физиономии!

— Опасно! — хоть Ли Жуй и произнес это, уворачиваться он не стал, а вместо этого ловко перехватил летящую в него ногу Оуян Цзиньсиня, а второй рукой проворно сбросил путы с его

лодыжек.

— Что?! — Он не может пошевелиться?! — Ноги Оуян Цзиньсиня вдруг налились знакомой слабостью: в то мгновение Ли Жуй снова запечатал его точки, точно так же, как ранее запер голос!

Веревки полетели в угол, а Ли Жуй, не сводя с Оуян Цзиньсиня сияющих карих глаз, любовался его свежим, прекрасным лицом, которое от гнева пылало ярким румянцем.

Его крепко сжатые губы казались алыми, будто тронутыми помадой.

— До чего же ты хорош... — понизив голос, Ли Жуй развел сопротивляющиеся ноги Оуян Цзиньсиня и всем телом навалился сверху...

<http://bllate.org/book/21151/2144314>